

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150016295-7

“Инкская утопия” в романе “Письма перуанки” Ф. де Графиньи

© 2021 г. А. Д. Морозов

Аспирант Института мировой литературы
имени А.М. Горького Российской академии наук,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
morozov-msu@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается французский роман “Письма перуанки” Ф. де Графиньи (*Lettres d'une péruvienne*, 1747), а также входящее в него, начиная с 1752 г., “Историческое вступление...” (*Introduction historique aux lettres péruviennes*), в котором в идеализированном ключе описана Империя инков. Показывается, что источником для автора во многом послужили “Подлинные комментарии об истории государства инков” Г. де ла Веги (1609) и более поздние философско-критические и художественные тексты, посвящённые американским туземцам: эссе М. де Монтеня, трагедия “Альзира, или Американцы” Вольтера и др. В “Историческом вступлении...” говорится, в частности, о богатстве и мудрости инков, о достоинствах их государственного устройства. Доказывается, что с идейной и композиционной точек зрения “Историческое вступление...” играет важную в произведении роль: утопические описания Империи инков выполняют функцию философской рамы, обрамляющей роман любовного содержания. Представления о государстве древних инков, получившие в “Письмах перуанки” художественное переосмысление, отразили социальные и политические идеи эпохи Просвещения.

Ключевые слова: Графиньи Ф. де, Империя инков, утопия, перуанцы, дикари, цивилизация, европоцентризм, эпистолярный роман, французская литература XVIII в.

Для цитирования: Морозов А.Д. “Инкская утопия” в романе “Письма перуанки” Ф. де Графиньи // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 54–59. DOI: 10.31857/S241377150016295-7

The “Inca Utopia” in the Novel “Letters from a Peruvian Woman” by F. De Graffigny

© 2021 Artem D. Morozov

PhD student at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
morozov-msu@mail.ru

Abstract. The article considers the French novel “Letters from a Peruvian Woman” (*Lettres d'une Péruvienne*, 1747) by Françoise de Graffigny, as well as the “Historical introduction...” (*Introduction historique aux lettres péruviennes*), which was included into the novel in 1752, and where the Inca Empire is described in an idealized way. The main source of information for F. de Graffigny was “The Royal commentaries of the Incas” by Garcilaso de la Vega (1609) and other philosophical, critical and fictional publications on American natives: Michel de Montaigne’s essays, the tragedy “Alzira, or the Americans” by Voltaire, etc. The “Historical introduction...” praises the wealth and wisdom of the Incas, the merits of their state organization. This article claims that the “Historical introduction...” plays an important ideological and compositional role in F. de Graffigny’s book: a utopian description of the Inca Empire serves as a specific philosophical frame

for the novel with a love story. Ideas concerning the empire of the ancient Incas, as reflected in the fictional “Letters from a Peruvian Woman”, are congenial with the Age of Enlightenment.

Key words: Graffigny F. de, Inca Empire, utopia, Peruvians, savages, civilization, Eurocentrism, epistolary novel, 18th century French literature.

For citation: Morozov, A.D. “*Inkskaia utopiia*” v romane “*Pis'ma peruanki*” F. de Grafin'i [The “Inca Utopia” in the Novel “Letters from a Peruvian Woman” by F. de Graffigny]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 54–59. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016295-7

В истории французской литературы 1747 год был ознаменован появлением эпистолярного романа “Письма перуанки” (*Lettres d'une péruvienne*). Несмотря на то, что художественное наследие их автора – Франсуазы де Графиньи (Françoise de Graffigny, 1695–1758) – достаточно обширно (несколько пьес и малая проза), при жизни именно этот её роман получил наибольшую известность.

В основе сюжета “Писем перуанки” – злоключения и переживания перуанской принцессы Зилии, разлучённой накануне свадьбы с возлюбленным, наследником престола Азой. В начале романа действие происходит в столице Империи инков Куско. На храм Солнца, где воспитывается героиня, нападают испанцы, а затем похищают и её, и местные сокровища. Однако в океане, в результате нападения французского фрегата, Зилия становится пленницей капитана Детервиля. В отличие от испанцев он проявляет к перуанке уважение и, влюбившись, старается добиться её расположения. Героиня, однако, не понимает его ухаживаний и надеется на скорое воссоединение с Азой. Попав по Францию, она входит в семью Детервиля, изучает французский язык и европейские нравы. На всём протяжении романа героиня сохраняет верность Азе, и даже узнав о его намерении жениться на другой, заявляет: “Моя жизнь принадлежит ему: пусть он отнимет её или любит меня!” [1, с. 178]. В отчаянии Зилия удаляется от света в свой загородный дом, купленный на отвоёванные Детервилем перуанские сокровища, и обещает ему не любовь, но дружбу и благодарность.

Изначально “Письма перуанки” включали авторское “Предупреждение” (*Avertissement*) и 38 посланий Зилии, 33 из которых адресованы Азе, а остальные пять – Детервилю. Начиная с переиздания 1752 г. Ф. де Графиньи расширила роман, добавив “Историческое вступление к письмам перуанки” (*Introduction historique aux lettres péruviennes*) и три письма главной героини к Азе.

По замечанию исследователя Ф. Россе, в 1747–1836 гг. вышли по меньшей мере 147 переизданий, переводов и переложений этого романа [2, с. 1106]. Ш.-Л. де Монтескьё, сам известный писатель 1-й половины XVIII в., сравнивал успех “Писем перуанки” с английским бестселлером, романом “Памела, или Вознаграждённая добродетель” С. Ричардсона (1740), и считал их “очаровательными произведениями” [3, с. 45]. К. Гольдони, написавший по мотивам “Писем перуанки” комедию “Перуанка” (1754), отзывался о первом как о “самом прелестном маленьком романе на свете” [4, с. 27]. О широкой популярности произведения Ф. де Графиньи свидетельствует и тот факт, что образ главной героини вызвал моду на “перуанские” платья и причёски. По словам исследовательницы М. Рейд, «горожанки времён Реставрации имели возможность, как и аристократки предшествующего столетия, позировать для портретов “а-ля перуанка”, т.е. в наряде, вдохновлённом “Письмами перуанки” Франсуазы де Графиньи» [5, с. 147]. Сама писательница в письме от 1752 г. упоминает увиденные в магазине мод “новые причёски а-ля Зилия”, которые она, однако, посчитала “самой смешной вещью в мире” [6, с. 428].

Первые критики отмечали в “Письмах перуанки” “блистательность” стиля и “нежность выражений” [7, с. 53], “разнообразие красивых деталей; живых, нежных, искусных, богатых, сильных, лёгких, неподражаемо созданных образов”, а также “утончённых, наивных, страстных чувств” [8, с. 20]. Помимо формально-языковых достоинств успех романа в XVIII в., вероятно, связан и с его экзотической темой, которая вызывала повышенный интерес у читателей в идейно-философском аспекте.

Внимание к нецивилизованным народам прослеживается в Европе со времён Античности, что подтверждают фиктивные “Письма Анахарсиса”, датируемые III в. до н.э. В них высказывается мысль, что афиняне не превосходят дикарей ни интеллектом, ни культурой: “Эллины – мудрый народ, но ни в каком отношении не мудрее

варваров, у которых боги не отняли способности познавать прекрасное. Можно даже испытать и узнать, правильно ли мыслим, соответствуют ли у нас дела словам и берём ли мы пример с тех, кто правильно живёт. Пусть ни памятники, ни украшения тела не препятствуют правильному решению. Ведь, следуя обычаям отцов, все по-разному украшают себя. Признаки глупости, как и признаки разума, у варваров и греков одни и те же” [9, с. 212]. К традиции культурного мифа о примитивной мудрости дикарей примыкают также тексты, созданные в период позднего эллинизма, в том числе “Письма Аполлония Тианского” (I в. н.э.), авторство которых сомнительно.

В Новое время умозрительные рассуждения о дикарях дополнились документальными описаниями путешествий, отчётами католических миссионеров, материалами торговых компаний. Варварство, как пишет О.В. Окунёва, трактовалось “французскими авторами XVI в. преимущественно как незнание или отступление от европейских культурных установок” [10, с. 132]: отсутствие религии, жестокость и др. В то же время между поведением диких народов и цивилизованными европейцами нередко проводились параллели и показывались недостатки последних. Например, французский мореплаватель Ж. де Лери в “Истории одного путешествия в Бразилию” (1578) писал о том, что людоедство, практикуемое туземцами, естественно — таковы местные традиции и условия жизни. Европа, а именно Франция, как считает путешественник, по кровожадности ничем не уступает Бразилии; он приводит в пример Варфоломеевскую ночь, когда его соотечественники хладнокровно убивали друг друга из чувства жестокости и мести.

В книге “Опыты” М. де Монтеня (1580), а именно в эссе “О каннибалах”, также осмыслиются традиции индейских народов (в том числе людоедство) и утверждается их приемлемость с точки зрения местной морали: “У нас, похоже, нет иных критериев истины и благоразумия помимо тех взглядов и обычаев, принятых в том краю, в котором мы живём” [11, с. 221]. Знакомство Ф. де Графиньи с “Опытами” не подлежит сомнению. Так, в “Историческом вступлении...” приводится прямая цитата из эссе М. де Монтеня “О средствах передвижения”, в котором он поражается жестокости, с которой расправлялись конкистадоры в Перу с местным населением: “Никогда прежде [...] честолюбие и неприязнь не сталкивали людей друг с другом до такой степени, чтобы привести к столь ужасной войне и к бедствиям столь прискорбным” [1, с. 25]. Этими словами Ф. де Графиньи подчёркивает

кровожадность и алчность испанцев, которые “стали полными хозяевами одной из самых прекрасных частей света” [1, с. 25].

В “Письмах перуанки” отчётливо прослеживается идея дикости и ограниченности европейцев и гуманности американских индейцев. В “Предупреждении” анонимный автор, следуя романной традиции того времени, отмечает, что представленные письма — подлинные. В то же время, осознавая, что читатели не поверят в это (часть посланий выдаются за перевод кипу — вязи узелковых шнуров, служащей инкам формой письма), Ф. де Графиньи замечает, что её современники недооценивают автора-туземку: “Пусть же издатель этого произведения не побойтся представить Публике письма молодой перуанки, чей слог и мысли так мало отвечают нашему невыгодному мнению о её народе, сложившемуся по вине несправедливого предрассудка!” [1, с. 21]. Далее писательница подчёркивает ограниченность европейцев и нежелание их считаться с чужой культурой, поскольку “предрасположенные в собственную пользу, мы признаём достоинства других племён лишь постольку, поскольку они подражают нашим нравам, а их язык походит на нашу речь” [1, с. 21].

Ф. де Графиньи и другие писатели эпохи Просвещения, в распоряжении которых оказалась широкая географическая информация, по-разному описывали представителей диких, в их понимании, неподвластных европейским законам народов. М.В. Разумовская отмечает, что некоторые жители Востока (как правило, персы, турки или китайцы) воспринимались в XVIII в. как находящиеся на высокой ступени развития, а потому посвящённые им произведения часто носили сатирический “антиевропейский” характер [12, с. 101]. Показательный пример — эпистолярный роман Ш.-Л. де Монтескье “Персидские письма” (1720), герои которого, путешествующие персы, показывают несостоятельность институтов и противоречивость порядков в Европе. Осуждение цивилизации представлено и в посланиях перуанки, которая, попав по Францию, описывает и сравнивает местные порядки и нравы с перуанскими, отдавая предпочтение последним. “Ни в одной из разнообразных провинций, которые мы пересекли, я ещё не видела таких высокомерных и развязных дикарей” [1, с. 80], — так отзывается героиня о французах, впервые оказавшись в свете.

Причина, по которой Ф. де Графиньи написала роман именно о перуанке, связана во многом со всеобщим увлечением американской (инкской) культурой. Большой вклад в популяризацию знаний о перуанцах внесли естествоиспытатели. Например,

Ш.-М. де ла Кондамин в 1735–1745 гг. руководил экспедицией в Перу для измерения длины меридиана на экваторе, и в 1746 г. вышли его "Мемуары о некоторых древних памятниках Перу времён инков". Живой интерес и нескрываемая симпатия к перуанцам в XVIII в. связаны с тем, что они воспринимались как потомки древних инков; их система правления и нравы считались идеальными, вследствие разумной организации жизни. В "Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера", а именно в статье "Законодатель", написанной предположительно Ж.-Ф. де Сен-Ламбером (1765), говорится следующее: "Законы в Перу, как правило, объединяли граждан узами человечности [...] Эти законы, устанавливая (насколько это возможно вне естественного состояния) общность благ, ослабляли дух собственности — источник всех пороков [...] У этого народа не было врагов кроме тех, кто способен на зло; он нападал на соседние народы, чтобы избавить их от варварских обычаев; инки хотели привлечь все государства своими любезными нравами" [13, с. 358].

В предуведомлении к "Письмам перуанки" Ф. де Графиньи отмечает: "Мы [современники] презираем индейцев. Мы едва признаём существование души у этих несчастных народов, а между тем их история общедоступна и мы повсеместно находим в ней доказательства их ума и основательности их мировоззрения" [1, с. 21]. Вероятно, под "общедоступной историей" она подразумевает сочинения Г. де ла Веги, известного под именем Инка. Сын конкистадора и внучатый племянник брата одного из правителей Империи инков в "Подлинных комментариях об истории государства инков" (1609) и "Всеобщей истории Перу" (1617) подробно описал древнее Перуанское государство. Сочинения Г. де ла Веги пользовались широкой популярностью в Европе, начиная с XVII в.; французский перевод "Подлинных комментариев инков", выполненный Ж. Бодуэном, вышел в 1633 г. и неоднократно переиздавался в XVII–XVIII вв. В 1744 г., за три года до выхода "Писем перуанки", "Подлинные комментарии..." вышли в новом переводе Т.-Ф. Далибара. Вероятно, именно его использовала Ф. де Графиньи для написания романа.

Историк литературы Р. Труссон отмечает: «Из этой классики, которой пользовался не один утопист, писательница почерпнула местные слова, мифологию, политическую и религиозную иерархию, и именно от этого экзотизма проистекает также метафорический язык, "индейский", немного раздражающий стиль, мода на который продлится вплоть до романа "Натчезы" Ф.Р. де Шатобриана» [14, с. 64]. Знакомство Ф. де Графиньи с "Подлинными комментариями..."

подтверждается схожестью их содержания с "Историческим вступлением...". Писательница скрупулёзно следует за перуанской хроникой при рассмотрении представлений инков о единственном божестве Солнце, описании религиозных обычаев, институтов и церемоний, наук и искусств. Из книги Г. де ла Веги она также позаимствовала сведения о молодёжи, которая "воспитывалась со всей заботой, требуемой благословенной простотой их нравов" [1, с. 27], идеи естественной организации государственной жизни, при которой "покорность не страшила умы, т.к. с раннего детства люди убеждались в её необходимости и в том, что к ней не примешивались ни тирания, ни честолюбие" [1, с. 27].

Предпосылая "Письмам перуанки" историческое введение, автор, однако, не ставил своей целью строго следовать фактам перуанской хроники, позаимствовав из неё лишь то, что характеризовало бы перуанцев с положительной стороны, а потому не посчитал уместным описывать человеческие жертвоприношения или кровопролитные войны между племенами. В первую очередь Ф. де Графиньи хотела идеализировать реально существовавшее государство инков, противопоставив их гуманность, простоту и близость к природе европейской цивилизации, что нашло своё непосредственное отражение в основной части романа. Показательно, что родина героини в "Историческом вступлении..." описана в утопическом ключе: "Какое зрелище для испанцев — сады вокруг храма Солнца, где деревья, цветы и фрукты были сделаны из золота с невиданным в Европе искусством! Стены храма, покрытые тем же металлом, бесконечное число статуй, украшенных драгоценными камнями, и многие другие небывалые богатства ослепили завоевателей злополучного народа" [с. 25].

Сокровища Империи инков, по мысли автора, явились плодом правильной организации общества. Перуанцы трудились совместно на общее благо: "её [землю] обрабатывали сообща, и дни, посвящённые этому труду, были радостными", "опрокидывали скалы, продалбливали горы для строительства превосходных акведуков и дорог, которые проложили по всей стране" [с. 28]. Далёким от идеала порядком во Франции, где монарх благоволил лишь нескольким людям, в то время как остальные несчастны, Зилия противопоставляет жизнь древних перуанцев: "Послушание и уважение перуанцами своих королей основывалось на убеждении, что Солнце являлось их прародителем" [1, с. 27], а "привязанность и любовь, которые питал к ним народ, было плодами их собственных добродетелей и справедливости

инков” [1, с. 27]. Автор предисловия, как и героиня, считают перуанцев счастливым народом, т.к. их скромные познания в науках удовлетворяли желания: “В Перу достаточно знали геометрию, чтобы измерять и делить земельные участки. Медицина же была неизвестной наукой, хотя в отдельных случаях перуанцы прибегали к использованию каких-то таинств. [...] единственным знанием, приобретённым перуанцами с некоторым успехом, были нравственность и наука законов, полезных для общественного блага” [с. 29].

Образ империи инков во многом сопоставим со страной Эльдorado из повести Вольтера “Кандид, или Оптимизм”, появившейся спустя 12 лет после “Писем перуанки”: “Огромная равнина, окружённая неприступными горами. Земля была возделана так, чтобы радовать глаз и вместе с тем приносить плоды; все полезное сочеталось с приятным; дороги были заполнены, вернее, украшены изящными экипажами из какого-то блестящего материала; [...] Деревенские детишки в лохмотьях из золотой парчи играли у околицы в шары [...] это были самородки золота, изумруды, рубины, из которых меньший был бы драгоценнейшим украшением трона Могола” [15, с. 191–192]. По замечанию исследователя И. Шоултера, ещё на начальной стадии написания романа Ф. Дево, литератор и пожизненный корреспондент Ф. де Графиньи, советовал ей “осовременить” героиню, представив жительницей индейской деревни, похожей на утопическую страну Эльдorado. От предложения Ф. Дево писательница отказалась, объяснив это тем, что “общее впечатление от величия империи инков куда важнее исторической точности, и что роман нуждается лишь в той степени правдоподобия, что и опера” [16, с. 222].

Утопические представления о древнем государстве инков – как стране несметных сокровищ, передовой социальной-политической системы, высоко нравственных, мудрых людей, помимо “Писем перуанки”, нашли отражение и в трагедии Вольтера “Альзира, или Американцы” (1736). Сюжет пьесы во многом перекликается с романом Ф. де Графиньи: испанец Гусман и наследник престола инков Замор соперничают из-за принцессы Альзиры. Покорив подданных Замора, испанец понимает, что девушка предпочитает ему другого, а потому, смирившись, освобождает соперника и позволяет им пожениться; инка Замор, поразившись благородством Гусмана, принимает христианство. В романе Ф. де Графиньи Детервиль так же жертвует личным счастьем, способствуя, как того желает героиня, её встрече с перуанцем Азой, который к тому моменту перешёл в католичество. Известно, что в мае 1743 г. Ф. де Графиньи смотрела спектакль по “Альзире...” и

уже на следующий день, согласно её письмам, начала читать упомянутую выше “Историю государства инков” [16, с. 223]. О влиянии трагедии Вольтера на Ф. де Графиньи свидетельствует и то, что в “Предупреждении” она упоминает “одного из наших великих поэтов” и его описание “индейских нравов в драматической поэме, которая должна была способствовать тому, чтобы о них узнали” [1, с. 21].

Представления европейцев о мудрости и гуманности дикарей отразились в “Письмах перуанки” на уровне цитат и вдохновлённых ими образов. Инкской теме посвящены “Тысяча и один час. Перуанские сказки” Т.-С. Гюолета (1734), романы “Крушение плавучих островов, или Базилиада знаменитого Пильпаи” Э.-Г. Морелли (1753), “Инки, или Крушение империи Перу” Ж.-Ф. Мармонтеля (1777), трагедия “Азор, или Перуанцы” Б.Ф. Дюрозуа (1770) и многие другие произведения XVIII в. “Письма перуанки” Ф. де Графиньи занимают в этом ряду особое место. Представленные в “Историческом вступлении...” утопические описания Империи инков выполняют функцию своеобразной философско-идейной рамы, обрамляющей роман любовного содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Графиньи Ф. де.* Письма перуанки. Перевод, предисловие О. Сергиево-Посадской. Вашингтон, 2004. 246 с.
2. *Rosset F.* Les nœuds du langage dans les Lettres d'une Péruvienne // *Revue d'Histoire littéraire de la France.* Nov.–Dec., 1996, pp. 1106–1127.
3. [*Montesquieu Ch.-L.*]. Pensées et fragments inédits de Montesquieu publiés par le Baron Gaston de Montesquieu. T.I. Bordeaux, G. Gounouilhou, imprimeur-éditeur, 1899. 541 p.
4. [*Goldoni C.*]. L'Autore a chi legge – La peruviana. Commedia IX. // *Nuovo teatro comico dell'avvocato Carlo Goldoni* [...] T. 3. Venezia, Appresso Francesco Pitteri, 1757, pp. 27–29.
5. *Reid M.* Romans en cartes postale // *Littérature.* № 134. George Sand, “Le génie narratif”. Join, 2004, pp. 147–154.
6. [*Graffigny F. de*] Correspondance de Madame de Graffigny: 20 juin 1751–18 août 1752. Lettres 1723–1906. T. 12. Oxford: Voltaire Foundation, 1985. 556 p.
7. [*La Porte J. de*]. Lettres d'une Péruvienne // *Observations sur la littérature moderne.* T. I. La Haye, 1749, pp. 33–54.
8. *Clément [P.]*. Lettre II // *Les Cinq années littéraires, ou Nouvelles littéraires, etc., des années 1748, 1749, 1750, 1751 et 1752.* V. 1. La Haye, chés Ant. de Groot et Fils, 1754, pp. 10–15.

9. Письма Анахарсиса // Антология кинизма: Антисфен, Диоген, Кратет, Керкид, Дион. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М.: Наука, 1984. С. 211–265.
10. Окунева О.В. Варвар и/или добрый дикарь: представления о бразильских индейцах во Франции XVI в. // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 129–149.
11. Монтень М. О каннибалах // Монтень М. Опыты. Кн. 1. М.: Попурри, 2004. С. 218–232.
12. Разумовская М.В. Перуанка в романе мадам де Граффины // Латинская Америка. 1976. № 6. С. 99–108.
13. Législateur // Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. IX. Neufchastel, Chez Samuel Faulche & Compagnie, Libraires & Imprimeurs, 1765, pp. 357–363.
14. Trousson R. Introduction – Madame de Graffigny. Lettres d’une Péruvienne (1747) // Romans de femmes du XVIIIe siècle. P., Robert Laffont, S.A. 1996, pp. 59–77.
15. Вольтер. Кандид, или Оптимизм // Вольтер. Философские повести и рассказы. Т. 1. М.-Л.: Academia, 1932. С. 134–266.
16. Showalter E. Françoise de Graffigny: Sa vie et ses œuvres. Oxford, Voltaire Foundation, 2004, 571 p.
6. [Graffigny, F. de]. Correspondance de Madame de Graffigny: 20 juin 1751–18 août 1752. Lettres 1723–1906. T. 12. Oxford: Voltaire Foundation, 1985. 556 p. (In French)
7. [La Porte, J. de]. Lettres d’une Péruvienne. Observations sur la littérature moderne. T. I. La Haye, 1749, pp. 33–54. (In French)
8. Clément, [P.] Lettre II. Les Cinq années littéraires, ou Nouvelles littéraires, etc., des années 1748, 1749, 1750, 1751 et 1752. V. 1. La Haye, chés Ant. de Groot et Fils, 1754, pp. 10–15. (In French)
9. *Pis’ma Anakharsisa* [Letters of Anacharsis]. *Antologiya kinizma: Antisfen, Diogen, Kratet, Cercidas, Dion. Fragmenty sochinenii kinicheskikh myslitelei* [Anthology of Cynicism: Antisthenes, Diogenes, Cratet, Kerkides, Dion. Fragments of the Texts of Cynical Thinkers]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 211–265. (In Russ.)
10. Okuneva, O.V. *Varvar i/ili dobryi dikar: predstavleniia o brazil’skikh indeitsakh vo Frantsii XVI v.* [Barbarian and / or Noble Savage: Views on the Brazilian Indians in France (16th Century)]. *Tsivilizatsiia i varvarstvo: transformatsiia poniatii i regional’nyi opyt* [Civilization and Barbarity: Transformation of Concept and Regional Experience]. Moscow, Institute of World History, 2012, pp. 129–149. (In Russ.)
11. Montaigne, M. *O kannibalah* [Of Cannibals]. *Opyty* [Essays], book 1. Moscow, Popurri Publ., 2004, pp. 218–232. (In Russ.)

REFERENCES

1. Graffigny, F. de. *Pis’ma peruanki. Perevod i predislovie O. Sergievo-Posadskoi* [Letters from a Peruvian Woman. Translated with an Introduction by O. Sergiyev-Posadskaya]. Washington, 2004. 246 p. (In Russ.)
2. Rosset, F. Les nœuds du langage dans les Lettres d’une Péruvienne. *Revue d’Histoire littéraire de la France*. Nov.–Dec., 1996, pp. 1106–1127. (In French)
3. [Montesquieu, Ch.-L.]. Pensées et fragments inédits de Montesquieu publiés par le Baron Gaston de Montesquieu. T.I. Bordeaux, G. Gounouilhou, imprimeur-éditeur, 1899. 541 p. (In French)
4. [Goldoni, C.]. L’Autore a chi legge – La peruviana. *Commedia IX. Nuovo teatro comico dell’avvocato Carlo Goldoni [...]* T. 3. Venezia, Appresso Francesco Pitteri, 1757, pp. 27–29. (In Italian)
5. Reid, M. Romans en cartes postale. *Littérature*. № 134. George Sand, “Le génie narratif”. Join, 2004, pp. 147–154. (In Engl.)
12. Razumovskaia, M.V. *Peruanka v romane madam de Graffin’i* [A Peruvian Woman in Mme de Graffigny’s Novel]. *Latinskaia Amerika* [Latin America], 1976, No. 6, pp. 99–108. (In Russ.)
13. Législateur. *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. T. IX. Neufchastel, Chez Samuel Faulche & Compagnie, Libraires & Imprimeurs, 1765, pp. 357–363. (In French.)
14. Trousson, R. Introduction – Madame de Graffigny. Lettres d’une Péruvienne (1747). *Romans de femmes du XVIIIe siècle*. P., Robert Laffont, S.A. 1996, pp. 59–77. (In French.)
15. Voltaire. *Kandid, ili Optimizm* [Candide: Optimism]. *Filosofskie povesti i rasskazy* [Philosophical Tales and Short Stories]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1932, pp. 134–266. (In Russ.)
16. Showalter, E. Françoise de Graffigny: Sa vie et ses œuvres. Oxford, Voltaire Foundation, 2004, 571 p. (In French.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 мая 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 июня 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 июня 2021 г.

Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on May 14, 2021

Revised on June 25, 2021

Accepted on June 30, 2021

Date of publication: August 31, 2021